

В вечном побеге

Владимир Назаров

ВЛАДИМИР НАЗАРОВ

В предисловии к недавно вышедшей книге «Считается побег» Александр Кабаков написал: «Про мои сочинения можно сказать – и говорят – разное. Остросюжетная проза, антиутопия, фантазия, роман о любви, автобиография – и все это об одних и тех же книгах. Можно поискать определение совсем в других категориях. Не так давно я сам заметил, что практически все, что написал, посвящено, по сути дела, только одному человеческому действию: бегству».

Как-то услышал от Кабакова:

– Приходят за интервью... Странно, ведь ответы на все журналистские вопросы я дал в своих книгах.

Помнится, я удивился:

– Что же, ты только о себе пишешь?

Он тоже удивился:

– О ком же еще?

Уж больно объемной получилась автобиография – штук пятнадцать книг, наверное, написал Сочинитель – именно так обозвал себя Кабаков в одноименном романе. И поди разберись, где он о себе, где подсмотрел, где насочинял. Да и ни в одной книге Кабакова нет ответов на вопросы: кто он, что он, откуда взялся?

Получив в редакции задание сделать интервью с Кабаковым, немедленно звоню ему. Писатель отнекиваться не стал:

– Послезавтра в час, устраивает?

Но увидел Кабакова раньше – по пятому телеканалу он обучал сограждан грамоте. Голосом, напрочь лишенным модуляций, он призывал нас говорить и писать не «более-мнее», что неправильно, а «более или менее». Что тут скажешь: спасибо, Саша, за науку.

Кабаков и телевидение – отдельная тема. Это сейчас он появляется на экране довольно редко. А лет 10–12 назад телеканалы буквально разрывали его на части. Тогда он, автор нашумевшего «Невозвращения», даже не купался, а тонул в лучах славы. И каждый телеведущий почитал за честь заполучить столь популярного писателя на свою передачу. И он, человек дотоле никому не известный, безропотно шел. И отвечал на вопросы совершенно неохватного спектра: от государственного устройства и чуть ли не до обустройства улиц общественными туалетами. Как-то я сказал ему: «Все жду, когда тебя попросят прокомментировать ход чемпионата мира по футболу. Телевизионщикам-то наплевать, что ты ни разу в жизни ни на одном матче не был...»

Кабаков не обиделся:

– Да я от половины телепредложений отказываюсь. Надоело пустые разговоры вести...

Я, конечно, не Эрнст, не Сагалаев, но убежден, что телена начальники здорово промахнулись, не пригласив Кабакова в штатные комментаторы. Они, верно, судят о нем по произведениям художественным, по плавно-размеренному ритму прозы. Черта с два: Кабаков-журналист динамичен, резок, логичен и, коли будет в том надобность, в состоянии считанными фразами расстрелять или реабилитировать.

Саша со мной не соглашается:

– Телевидение – это не мое, там у меня ничего не получается. Я на экране выгляжу, как плохой актер, играющий роль писателя Кабакова. К тому же если «письменная» журналистика не самая лучшая

профессия, то тележурналистика – еще хуже.

– Что же ты относишь к профессиям хорошим?

– Те, что есть в Священном Писании: пахарь, воин, священник – вот уважаемые занятия. И список можно продолжить, потому что и учитель, и врач – суть священники, а пахарь – это и металлург, и строитель... А то, чем зарабатываю хлеб свой я, как, впрочем, и артисты, журналисты, финансисты, – занятия нечистые.

– Ну так стань «чистым». Ты же по образованию математик, а школы днем с огнем ищут учителей...

Кабаков в ответ лишь плечами повел. Разговоров у нас с ним было великое множество, поскольку проработали вместе в редакции газеты «Гудок» более пяти лет. Тогда Кабаков не был никаким писателем, хотя его рассказы – почему-то юмористические – публиковались в «МК» и на престижнейшей для жанра 16-й полосе «Литературной газеты». Потом он станет лауреатом премий и «МК», и «Клуба 13 стульев», но до писательского признания было еще далеко.

...Охранник издательского дома «Коммерсантъ», где работает Кабаков, неодобрительно глянул на меня и чуть ли не с головой ушел в мою сумку, проверяя, нет ли в ней

чего взрывоопасного. Обстоятельство, что писатель Кабаков – автор пуда изданных книг, двух снятых фильмов, поставленной пьесы – не расстается с журналистской подлинной, удивляло меня много лет. Представляете, вечером я слушаю по телевизору его рецепты по обустройству России, а наутро вижу Кабакова на демократическом митинге, где он засовывает свой диктофончик в рот милиционерскому полковнику и ждет ответа на вопрос: зачем митингующих окружают автоматчики? Бред же. Сидел бы себе на даче, сочинял бы нетленки. И ведь пишет-то он урывками: до работы, после работы, в отпуске. Как-то умудряется издавать по книге в год. Хотя вполне мог себе позволить «чистую» писательскую жизнь.

– Не будешь спрашивать, почему я до сих пор не «чистый» писатель?

– Не буду. Я же вижу, как девальвируется литература, как нищают настоящие писатели, а процветает всякая шпана – авторы полуграмотных детективов...

– Так бы я не сказал. Появилось много имен. Акунин из всех выделяется. Считаю, что его творчество станет еще предметом для серьезного исследования.

– Но его же явно «раскручивают».

– И слава богу, что его. Я уверен,

что талант, раскрутка и удача нужны в любом деле: книги ли ты пишешь или в высоту прыгаешь. А еще – точный расчет. В случае с Акуниным присутствуют все составляющие. Расчет – обязательное условие успеха. Я всегда говорю: брак по расчету бывает счастливым, если расчет верен.

– То-то ты третьим браком женат...

– Значит, у меня эмоции заглушали расчет.

– А ты можешь сказать, чем следующая жена лучше предыдущей?

– На этот вопрос нет ответа. Мне однажды врач посоветовал пить водку, разбавляя ее наполовину водой. Я возмутился: что же я такую гадость буду пить? Никогда не догадываюсь, что ответил мне врач. Он сказал: а ты что, пьешь для удовольствия? Спроси у любого пьющего: зачем он пьет? Так и с женитбами-разводами.

– Давай переходить к делу, по которому я к тебе пришел. Вопрос первый: когда ты начал писать?

– В семь лет. Сначала писал палочки, потом буквы...

– Я серьезно. Ты с детства мечтал стать писателем?

– Старик, мы жили в селе, которое называлось Капустин Яр, где был первый советский ракетный полигон. Когда отца по окончании

академии отправили туда служить, мы от Москвы до этой дыры чуть ли не месяц поездом добирались. Мое окружение – люди в погонах и местные жители. Через детские стихи проходили все, что об этом говорить. Правда, я много читал, кино очень любил. И даже засобирился поступать во ВГИК на сценарный факультет, да отец отговорил.

– Каким образом?

– Он мне говорил, что даже если я окончу ВГИК, то меня ожидает ужасное будущее: девяносторублевое нищенство на Алма-Атинской киностудии. Откуда он это взял, не знаю. Наверняка он ни одного живого сценариста не видел, да и о существовании такой профессии узнал от меня. В Алма-Ату же он «отправлял» меня, потому как не заметил в 61-м году, что кинематограф давно вернулся из эвакуации в Москву. И я подал документы на мехмат Днепропетровского университета.

– У тебя обнаружился математический талант?

– Я очень неспособный к математике человек. Понять ничего не мог, а выучить мог все, что угодно. И выучил задачник Моденова. К тому же у меня была медаль, так что в университет поступил и благополучно его окончил.

– Тебе не хотелось стать кадровым военным, пойти по стопам отца-полковника?

– В детстве мечтал стать моряком – форма очень нравилась. Мне и тогда с небольшим действительной службы хватило, чтобы впечатления никогда не выветрились. Без службы жизнь была бы неполной. Советская армия – та же тюрьма. Разница лишь в том, что забирают в армию без всякой вины и отпускают на свободу без судимости. Все же остальное, как на зоне, – и нравы, и условия жизни.

– Ты же служил в элитных ракетных войсках.

– Элита Мавзолеем охраняла. А я командовал отделением жизнеобеспечения командного пункта. Звучит-то как! А на самом деле мы унитазы прикручивали, и был я, по существу, сантехником с высшим математическим образованием.

– Которое реализовал уже на гражданке.

– Еще как реализовал. Жил, как все инженеры, по принципу: лишь бы не работать. И не работал, а играл в КВН, брэнчал на гитаре, участвовал в разных посиделках. Не от лени, просто понимал, что никакой я не инженер. А просто выродок в семье, где все мужики были инженерами или военными, к гуманитариям они относились если не с презрением, то уж с недоумением. И никто из них никогда не разводился, и не пил никто. А я вопреки семейным традициям принял замечки писать для днепропетровской газеты «Прапор юности». А потом вслед за первой женой переехал в Москву.

– Где и занялся журналистикой всерьез?

– До журналистики оставалось еще два года, которые я провел в «почтовом ящике», – это был самый нелепый эпизод в моей инженерной эпопее. Меня зачислили в группу абсолютных бездельников, где начальник занимался только йогой, его помощник – богоискательством, третий просто ничего не делал. Они увидели мой красивый диплом математика и очень обрадовались: думали, что я-то за всех все и сделаю. А

Кабаков Александр

212

задание было такое: создание математической модели автоматического ориентирования спутников по звездной карте неба. Насколько я знаю, такая модель не создана по сей день, коллеги всерьез надеялись на меня. Мне давали библиотечные дни, и я шнырял по городу, не думая ни о какой модели...

А жил я... Зарплата составляла 140 рублей, за снимаемую комнату платил 40 плюс алименты — к тому времени я с первой женой развелся. И выглядел замечательно: у меня была одна рубашка, бархатные джинсы. А еще длинные волосы носил... Вот в таком виде я и предстал перед главным редактором «Гудка» Борисом Ивановичем Красниковым. Догадываюсь, что испытывал этот железнодорожный генерал, глядя на меня. Но задание я получил сделать портрет о строящемся Курском вокзале. Поехал, написал...

— Значит, ты журналист по случайности?

— У меня вся жизнь соткана из случайностей. Я и родился случайно. Отец получил ранение на фронте, лечился в тыловом госпитале, мама приехала его навестить... Откуда бы мне еще взяться в сорок третьем-то году?

— И писателем случайно стал?

— Ну нет... А может быть, в какой-то мере и случайно. Помнишь, как я юмористические рассказы сочинял? И когда стал лауреатом премии «Клуба 13 стульев», то не стал делать карьеру «веселого» писателя, наоборот, охладил к жанру. А многие бывшие мои коллеги поступали рациональней: они издавали книжечку рассказов, вступали в союз писателей и зарабатывали огромные по тем временам деньги на эстрадных подмостках. Пойди я по их пути — до беллетристики ли мне было бы? Не уверен...

— Но ты же писал без надежды когда-либо опубликоваться. То есть «в стол»?

— Я писал и писал. Уже в перестроечные годы отнес повесть в «Знамя». Там прочли и сказали: «Интересно, но вы же понимаете...» То же самое услышал в «Дружбе народов». Я не отчаивался, чувствовал интуитивно, что придет и мое время. Друзья предлагали мне передать сочинения зарубежным издателям. Этого я не делал еще и потому, что боялся. Перестройка перестройкой, но КГБ (до сих пор) никто не отменял. Первую книгу издал на деньги, одолженные у нашего с тобой коллеги и приятеля Вальки Дранникова, который тогда был преуспевающим коммерсантом. В нее вошли три повести — «Подход Крестовича», «Салон», «Кафе «Юность». Книгу быстро смели с прилавков, я не только отдал долг, но и что-то заработал. И больше «самиздатом» никогда не занимался, теперь это делают издатели профессиональные. Книга сделала свое дело — ее заметили.

— Не в КГБ ли часом?

— Не знаю. С чекистами была отдельная история. В 87-м мы с женой поехали по приглашению ее родственников во Францию. Что значит перестройка — вместе выпустили, не побоялись, что останемся. А по возвращении приглашает меня кадровичка и знакомит с двумя мужиками. Они бесцеремонно выгоняют ее из собственного кабинета и откровенно меня вербуют. Делали это нагло, напористо — на комплименты не скупилась, обещали в случае, если стану их агентом, блага всякие... Этим дело не кончилось. Меня стали приглашать на разные «явки». Тогда я решил сыграть роль героя моего любимого писателя Гашека — Йозефа Швейка. Вот такие примерно пошли у нас беседы. — Вы знакомы с французской журналисткой М.? — Знаком. — А знаете ли вы, что она агент спецслужб? — Быть этого не может! Ах она... Да я как только выйду от вас позвоню ей в Париж и спрошу: как же она посмела...

Они чуть со стульев не попадали, руками замахали: «Что вы, что вы... Ни в коем случае нельзя этого делать. Мы вам подскажем, как впредь надо вести себя с ней».

На следующей встрече все повторяется. Рассказал отцу об этих разговорах, и мудрый мой батя сказал: «Эти игры могут плохо закончиться для тебя. Надо сказать твердо: или да, или нет».

Так я и поступил. На очередной встрече прямо сказал: «Никакой дружбы у нас с вами не получится». И, видя их замешательство, добавил: «Сейчас я поеду в отпуск и напишу о вас повесть».

Вряд ли они всерьез отнеслись к моей угрозе. А я поехал в железнодорожный пансионат и за три недели настучал «Невозвращенца». С единственной целью — свести с ними счеты.

— Пока это была лишь фига в кармане, повесть надо было еще и опубликовать. Год-то шел только 88-й.

— Конечно. И когда я прочел «Невозвращенца» друзьям, услышал: «Ты умудрился даже в период гласности написать непроходняк». Но киновед Дима Попов, он сейчас в Германии живет, оттащил повесть в журнал «Искусство кино», где главным редактором был Костя Щербаков. Как потом я узнал, повесть ходила по высоким кабинетам и даже на стол генсека попала. Говорят, он поставил раздраженную галку против названия денег, которые я «ввел» в стране, — «горбатые». Повесть вроде бы приняли, убрав из текста котлован, который я «вырыл» на месте Мавзолея. Опубликовали «Невозвращенца» ровно через год после сдачи рукописи — в июне 89-го года, когда я вновь был во Франции. Меня разыскала корреспондент французского радио, чтобы взять интервью у автора шумевшей повести. А я еще журнала не видел. Невероятно: меня нашли в Париже!

— Эка невидаль. Она же местный житель, а я, будучи туристом, без труда, конечно, но нашел в Париже Эйфелеву башню...

— Спасибо. Прилетел в Москву. В тот же день звонок из Мюнхена: Радио «Свобода» просит разрешения на трансляцию спектакля, который уже успел поставить Юлиан Панич. «Вражий» голос добавил популярности «Невозвращенцу».

— На сколько языков переведен «Невозвращенец»?

— Точно не скажу, но права на издание приобрели в 22 странах, мне же прислали 17 книг.

— Голова от успеха закружилась?

— А как ты думаешь? Куда ни поедешь — ты дорогой гость, тебя встречают, принимают, опекают, провожают. Да еще деньги посыпались в таком количестве, что, казалось, они никогда не кончатся. И, находясь в состоянии эйфории, я решил стать, как ты выражаешься, «чистым» писателем. Пришел в редакцию «Московских новостей», где тогда работал, подал заявление об увольнении, и мы с женой надолго уехали за границу. Месяца три спустя встретился там с главным редактором «Московских новостей» Егором Яковлевым. В своей манере — задавать вопросы и не слушать на них ответы — он спрашивает: «Когда вы ходите на работу?» Объясняю, что в Москву возвращаюсь через две недели, но не на работу, поскольку, как ему известно, я уволился... Яковлев перебил меня: «Значит, так: дней через двадцать я вас жду».

Дней через двадцать пришел в редакцию, где выяснил, что я не уволен, а заявление мое Яковлев выбросил в корзину. Я еще немного поупирался и вышел на работу. Спасибо Яковлеву, уберечь меня от глупого шага — хорошо бы я был, оставив журналистику.

— А что случилось бы?

— Да я с голоду бы сдох. Не физически, естественно, но окунулся бы в нищету.

— Ты и без отрыва от газет целую библиотеку книг навывукал. Писал бы еще больше, а для заработка ездил бы лекции читать легковерным иностранцам, тебя же Запад признает.

— Лекции... Читывал их, знаю. Приезжаешь, представляешь: «Русский писатель о современной русской литературе». Через двадцать минут начинаются «литературные вопросы»: «А что предпримет Ельцин, если...»

— Ну и при этом всякую чепуху хоть о Ельцине, хоть о Путине.

— Во-первых, я так не умею, да и не хочу. И знаю, что через два года бездействия журналист никому не нужен. А я 17 июня буду отмечать юбилей — тридцатилетие штатной журналистской службы.

— Половину которой работаешь начальником. Тебе нравятся руководящие посты?

— Редакторская должность дает право выбора: хочешь — пиши, не

хочешь — не пиши. Когда я был первым замом главного в «Московских новостях», вел еженедельную колонку — это была писательская публицистика. Писал прежде и в «Коммерсанте», а сейчас не пишу ничего, кроме подписей к снимкам.

— Если не секрет, почему?

— Не хочу ставить свою подпись под оценкой текущей жизни.

— Укатали свинку? Ты вспомни август 91-го: газеты наши закрыты, на улицах танки и ты через мощный усилитель слышишь проклятия организаторам ГКЧП, призываешь к защите демократии.

— Так я и сейчас за нее, за текущую жизнь. Просто я по взглядам заметно отличаюсь от большинства людей моего круга. Они при левой власти были правыми, при правой стали левыми. А я не хочу зависеть от власти, как был крайним правым, так и остаюсь им.

— Позиция беглеца?

— Да, это один из моих побегов.

— Бог с ней, с политикой, все-таки главное твоё занятие — писательство. Скажи, а критика не обходит тебя вниманием?

— У меня скопилось порядка 400 рецензий, только 7 из них — положительные.

— Обидно?

— Совсем нет. Пусть себе критики пишут, что хотят, оценивают, как хотят, — караван-то идет.

— Полагаю, в вину тебе ставят, что после «Невозвращенца» ты сделал резкий крен в сторону секса, смакуешь постельные подробности, пропагандируешь адюльтер. Твои герои и героини, позабыв про семьи, трахаются на сомнительных квартирах, даже в самолетах...

— Они трахаются у меня, потому что трахаются в жизни. И правильно — ночью надо спать, и не менее 8 часов в сутки. О чем же мне еще писать? Ведь секс и страх смерти — самые сильные человеческие эмоции.

— Ну и уложил бы в койку современных Ромео и Джульетту, пусть себе кувыркаются.

— Откуда мне знать, как ведут себя в койке современные Ромео и Джульетты? В отличие от нас, воспитанных в подворотнях, они сексуально образованны. Я могу писать только о том, что знаю.

— То есть — опираясь на собственный опыт?

— У меня же были промежутки между браками. Ну за что еще меня можно истреблять?

— За чрезмерное увлечение ненормативной лексикой.

— И можешь привести пример?

— Открываю последнюю твою книгу на странице 46. Читаю: «На подоконнике, подобрав красивые ноги в чулках — сапоги сброшены на сверкающий паркет, — сидит девица в длинной распахнутой шубе, наблюдает сверху за разгрузкой. Не замечая Алексея, взволнованно комментирует: «Ну, блядь, ну все испаряют же, козлы!...»

— Это же не авторская речь — так говорит мой персонаж. Как говорят люди, так и говорят. Иначе я бы повторил тот самый старый анекдот, когда сержант нечаянно плеснул прапорщику за воротник расплавленный свинец, а тот ему: «Товарищ сержант, пожалуйста, поаккуратнее обращайтесь с паяльником».

— А в авторской речи ни-ни?

— Видишь ли, я считаю недопустимым использование в художественной литературе медицинских терминов. Когда я встречаю в романе слово «пенис», меня просто тошнит. Ведь если человеку отрубили голову, не напишет же автор, что проведена декапитация... Есть писатели, которые великолепно используют мат в своих произведениях. Сергей Юренин совершенно виртуозно владеет ненормативной лексикой. У Лимонова, когда он был писателем, здорово это получалось.

— А у Ерофеева?

— На мой взгляд, неорганично, даже раздражающе. Кстати, заметь: мы с тобой разговариваем вот уже два часа и ни-ни, абсолютный норматив. Потому что предмет не предполагает.

...Пролушав дома кассеты, я обнаружил ровно 12 слов из разряда матерных. Поделили мы их с Кабаковым по-братски: ровно пополам. Но это так, к слову. А теперь хочу подвинуть Кабакова к главной теме его книг: побегу.

— Саша, а тебе не хотелось эмигрировать?

— Думал об этом когда-то. В Мюнхене мог остаться, мне предлагали великолепно оплачиваемую работу на Радио «Свобода». Зачем? Советскую власть ликвидировали, и сегодня эмиграция — это переход из одной камеры в другую, только более сытую.

— А куда и от кого люди бегут?

— Не знаю.

— А удачные побеги бывают?

— Не слышал о таких.

— И ты в вечном побеге?

Он встал, посмотрел на часы:

— Бегу, старик. Начальство ждет...

